Елена Амяго

Бабочка самолётиком

Елена Амяго

Бабочка самолётиком

«Автор»
2026

Амяго Е.

Бабочка самолётиком / Е. Амяго — «Автор», 2026

Героиня романа Елена находит единственно возможный для себя способ исцелиться от боли утраты самых близких людей — преодолеть неизбежность личной трагедии с помощью сновидений. Оживляя тёплые воспоминания детства и юности, трансформируя подсказки сна, она учится создавать желанную реальность и верить: невозможно потерять тех, кого по-настоящему любишь. Елена делится сокровенными переживаниями в надежде, что эта книга интуитивно подскажет читателю, как обрести гармонию души.«Бабочка самолётиком» — это удивительное сочетание тёплой семейной саги и доброй фантастики, книга-исцеление о силе прощения, родственных корнях и любви, которая не ставит условий.Красноярск, 2013 г.

© Амяго Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Начало путешествия 7
Первое знакомство с Сан Санычем 10
Сан Саныч поучает 13
Кажется, Лена начинает понимать Сан Саныча 16
Сан Саныч атакует 19
Призрачное счастье 21
Надежда 23
Несбывшиеся ожидания 24
Приступ недоверия 29
Загадочный институт 35
Хлопоты Сан Саныча 37
Заявка на счастье 38
Заявка прошла 40
Отступать невозможно 41
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Елена Амяго
Бабочка самолётиком

Елена Амяго

БАБОЧКА САМОЛЁТИКОМ

Если тебя печалит твоё прошлое,
придумай новую историю
своей жизни и поверь в неё.
Живя новыми воспоминаниями,
ты изменяешь своё настоящее и будущее.

Я хочу рассказать вам о своей маме. Рассказать так, чтобы её образ ожил на этих страницах, и вы увидели бы её своими глазами. Чтобы услышали её голос, её смех. Почувствовали её запах. Я хочу, чтобы мама жила — жила в этой книге. Её душа не умерла, она остаётся во мне все эти годы. Я хочу научиться вспоминать маму без слёз. Когда я пишу о ней, на сердце становится уютно и спокойно, словно я прижимаюсь к её плечу и чувствую родное тепло. Мои руки могут погладить её красивые чёрные волосы. Я могу заглянуть в её карие с зелёными крапинками глаза, провести пальцами по родинке на левой щеке и прошептать: «Как долго я тебя ждала…»

Мама была настоящей. Таких людей редко встретишь, как я поняла уже потом. Просто сказать о ней, что она была доброй, — слишком мало. «Добрая» — это как утренняя росинка на траве, а мама была для меня океаном. Океаном безграничной и безусловной любви. Так умеет любить только мама. Её нежность стала для меня главной мерой того, на какое большое чувство вообще способен человек.

Я не должна… не должна плакать, рассказывая о ней, иначе я могу наплакать целый океан той самой любви. Но мне трудно, потому что я ужасно по ней соскучилась. Я бесконечно давно не разговаривала с мамой — вот уже тридцать два года как не слышала её голоса. За это время выросло целое поколение, стремительно изменился мир, изменилась наша страна, изменились мы сами. И только она осталась молодой навсегда. Я никогда не узнаю, как мама выглядела бы в старости, но могу об этом помечтать. «Не хочу стареть, я навсегда останусь молодой!» — уверенно говорила она. К моему несокрушимому сожалению, так и случилось. Лучше бы она состарилась, как все. Состарилась бы вместе с папой. И я бы сейчас приезжала к ним в гости. И о многом бы рассказала — обо всём, что произошло за эти тридцать два года.

Я не идеализирую своих родителей и прекрасно понимаю, что они были обычными людьми со своими слабостями и недостатками. Но у меня нет на них никакой обиды, и я принимаю их такими, какими запомнила. Какие-то глупые детские ссоры ушли далеко в прошлое, покрылись пылью забытых игрушек. Я готова простить им всё на свете за одну-единственную возможность поговорить. Нет, даже не так: я сама хочу попросить у них прощения за свою детскую слепоту и нетерпеливость, ведь я не знала, что судьба отнимет их так рано и я не смогу поговорить с ними сейчас, когда мне самой уже больше лет, чем было когда-то маме. Я смотрю на своих подруг, у которых мамы живы, и молча выслушиваю их жалобы на родительское непонимание. Я смотрю на тех, кто терпеливо возится со своими старенькими мамами, и… а впрочем, вы меня понимаете.

<К оглавлению>

Посвящается моей маме и тем,

у кого мама ещё жива

Начало путешествия

Моросящий дождь сбивал с толку, и было незаметно, что давно уже раннее седое утро сменилось почти полдником. Дворники машины сновали по грязному стеклу.

— Теперь, надеюсь, ничего не забыли? — мобилизуя всю свою терпимость, вежливым тоном спросил Серёга.

— Кажется, ничего… — неуверенно пролепетала Лена, судорожно роясь в сумочке. — Какая уже разница, всё равно больше возвращаться не будем.

Они только что сделали крюк по городу перед большим путешествием на восток, в родные края. «А всё из-за какого-то нелепого чемодана», — с досадой размышлял Серёга, опасаясь, что до Иркутска они теперь засветло точно не доберутся.

— Ну, я же не виновата, что он остался в комнате, — продолжала бесполезные оправдания Лена.

— Никто не виноват, и оба виноваты, — согласно кивнул Серёжа.

Он взял на себя обычную мужскую работу по погрузке вещей в багажник, полагаясь на жену, что она соберёт всё необходимое в дорогу. Лена и собрала, но злополучный клетчатый чемодан, приготовленный к долгожданной поездке, остался в дальней комнате. И даже посидев, как полагается, перед дорожкой, о нём никто не вспомнил.

— Хорошо ещё, что ты о нём не в Канске хватилась, — миролюбиво улыбнулся Серёга.

— Ага, это же смешно, что так получилось, правда? — легкомысленно ответила на его улыбку Елена. — Знаешь, как я догадалась? Подумала, что, когда доберёмся, утром в гостинице буду укладывать волосы феном, и стала вспоминать, куда его сунула, — её щебечущий голос постепенно становился всё веселее. — А фен я положила в клетчатый чемодан — и в этот момент оглянулась поискать его глазами, — уже заливалась она от смеха.

Ей почему-то показалось ужасно забавным выражение лица мужа, когда она спросила, куда это он поставил клетчатый чемодан. Серёжа в ответ притормозил и, повернув голову в её сторону, медленно, с расстановкой произнёс:

— Ка-а-а-кой че-мо-дан?

Следующая его фраза была неразборчивой, потому что автомобиль уже совершал крутой разворот. Навигатор суетливо забеспокоился: «Поверните направо, поверните направо…» — тараторил он голосом «русской Катерины». Однако самые худшие опасения электронного штурмана подтвердились: путешественники мчались в противоположную заданному курсу сторону света. Когда забытая поклажа наконец-то присоединилась к прочим вещам и крышка багажника захлопнулась, навигатор выжидающе помалкивал. Убедившись, что машина передвигается строго по розовой стрелочке на карте, «русская Катерина» замолкла на несколько километров — её задача на первые два часа пути была выполнена.

— Ну ладно, ладно, — успокаивала Лена своего любимого, — всё, что ни делается, к лучшему, ты же знаешь! То, что мы вернулись и потеряли немного времени, означает лишь, что в данный момент нам полезнее находиться именно здесь, — она погладила его по коротко стриженной макушке.

— Я знаю, что полезнее было бы до двенадцати ночи добраться до гостиницы в Усолье, — не унимался Сергей.

Он вообще не любил промедлений. Если уж решили — надо делать, считал он. Наметили выехать пораньше — значит, надо встать в пять утра, чтобы тронуться в шесть. А вместо этого выехали в двенадцать! Ничего себе поправочка!

— Тише едешь — дальше будешь… — пробормотала Лена, заметив, что муж не очень-то веселится над потерянным временем. — Сергей Иванович говорит, что кто понял жизнь, тот никуда не торопится, — сослалась в конце концов она на авторитет тёти Нелиного мужа.

— Когда это он так говорил? — Серёжа прибавил громкость радиоприёмника.

— Это он ещё на подводной лодке так говорил, а сейчас, на пенсии, стал жутким пессимистом, со слов тёти Нели, — вздохнула Елена.

— Ну что ж, поедем рассеивать его пессимизм, — с воодушевлением сконцентрировался Серёжа на испещрённом ямочным ремонтом мокром асфальте. — Когда уже они дороги сделают? — с досадой возмутился он, виртуозно обруливая ямки.

— В этом месте не раньше двадцатого июня две тысячи девятнадцатого года, — брякнула Елена и чуть не прикусила язык.

Она не сообразила сразу, можно ли делиться такой информацией, и покосилась на мужа. Но увлечённый вождением Сергей, кажется, не обратил внимания на точную дату прогноза. «Вроде не заметил…» — с облегчением подумала Елена. «Как она угадала точный срок ремонта этого участка?» — размышлял Сергей. Ему достоверно было известно, что именно так оно и будет, но он сейчас не мог вспомнить, откуда это знает и, главное, почему только он один должен об этом знать.

Они ехали и болтали о разных пустяках, слушали музыку и мечтали о скорой встрече с родными. Повидавший на своём веку всевозможные дорожные знаки и разметки, слегка потрёпанный «Филдер», мягко преодолевая изредка попадающиеся ухабы, легко катился по бесконечной в его понимании дороге.

— Лишь бы бензин вовремя подливали, — перевела на свой язык его весёлое урчание Лена.

— Да будет ему бензин, сейчас во-он до той заправки дотянем и зальём полный бак, — многообещающе уверял своего железного друга Серёга.

Разрыдавшаяся в небе тёмно-сиреневая туча цеплялась грязными каплями за асфальт и наконец осталась позади — автомобиль выехал на совершенно сухое покрытие графитового цвета. Яркое солнце, словно извиняясь за скверный характер газообразных подопечных, улыбалось всеми лучами.

— Добро пожаловать в летний отпуск! — опять перевела на свой язык солнечный посыл Лена.

Всё было замечательно: и прошедший дождь, и выглянувшее солнышко, и предстоящее интересное путешествие, и любимый муж рядом. Всё, всё было хорошо. За окном мелькали пышные кроны берёз, кустарников, пролетали зелёные ковры незасаженных полей.

На заправке Серёжа вдоволь накормил «Филдера», попутно пополнив и свои запасы воды. Когда отъехали от станции, Лена пощёлкала кнопкой приёмника, выбирая новую волну. Из динамиков полился чистый, как росинка, голос Анны Герман:

«…Дом тот же самый,
Второй от угла.
Здесь моя мама,
Здесь мама жила…»

Тихая, как лесной ручей, мелодия утончённо дотрагивалась до самого сокровенного в душе путешественников. Инстинктивно, по привычке Елена на мгновение отстранилась от происходящего, чтобы не расплакаться.

«…Сядут все за стол, бывало,
А ей недосуг,

Днём и ночью дел хватало
Для маминых рук,
А когда взрослели дети,
Смотрела им вслед.
Жизнь идёт и солнце светит,
Только, только мамы нет…»

Но сила голоса певицы на этот раз преодолела сопротивление, и у Елены защипало в носу; слёзы, зацепившись за краешек век, заблестели в глазах. Она почувствовала, как проваливается в щемящую, перехватывающую дыхание тоску.

«…Снег ещё лежит на крыше,
Но пахнет весной.
Снова мамин голос слышу-
Такой молодой.
Мне бы ласковое что-то
Сказать ей в ответ
За любовь, за все заботы,
Только мамы нет…»

Последний проигрыш мелодии всколыхнул в душе запретную боль. Такую слабость Елена позволяла себе только наедине или с самым близким и единственным человеком. В любой другой ситуации при воспоминании о маме она словно покрывалась панцирной сеткой, не пропуская к сердцу ни капли постороннего сострадания — словно оно было вскрыто, как одна большая рана.

— Ты чего? — оптимистично не понял её Сергей. — Что грустим, Солнце?!

Елена помолчала, преодолевая порыв разрыдаться как та туча, и наконец осторожно произнесла, сдерживая дыхание:

— Всё так хорошо… Я думаю, как было бы здорово сейчас приехать с тобой вместе домой к маме, поговорить с ней, поделиться сомнениями, радостями…

— Ну, Солнце… — Серёжа был смущён. Он не знал, как утешать жену в таких случаях. — Ты же прекрасно понимаешь, что бесполезно теребить прошлое, живи настоящим. Согласен, что твои мечты прекрасны, но это уже только мечты. Я рядом. Мы вместе. Мы путешествуем, — он ласково улыбнулся Елене. — Ты лучше поспи немного, потом сменишь меня, — предложил он.

Лена, примостив под шею оранжевую дорожную подушку в виде дутого воротника, покорно откинулась на кресле. Нащупав в кармашке малахитовый камешек в виде сердечка, погладила его. Зелёный талисман всегда помогал ей восстановить гармонию неспокойной души. Устроившись поудобнее и убаюкиваясь мягкой подвеской «Филдера», она задремала.

Ей снова приснился Сан Саныч, с которым она уже привыкла возвращать душевное равновесие в минуты воспоминаний о маме.

Первое знакомство с Сан Санычем

Впервые Сан Саныч явился перед Еленой во сне. Его образ всплыл откуда-то из уголков подсознания, которое на этот раз решило поговорить с хозяйкой начистоту — без замысловатых знаков в виде узоров, кружочков, незнакомых людей и прочей непонятной чепухи, которой обычно наполнены сны.

— Лёлик, — окликнул он её.

«Лёлик, Лёлик…» — отозвалось у неё в солнечном сплетении ласковой волной чего-то родного, но, кажется, давно забытого. Обычно во сне она жила одними ощущениями, а на этот раз всё происходило как наяву. Она стояла на залитой солнцем поляне, усыпанной яркими жёлтыми одуванчиками. «Как в детстве», — вспомнила Лена, как, проснувшись утром на каникулах и едва прожевав батон с вареньем, она выбегала из дома. Вприпрыжку мчалась навстречу утреннему солнцу мимо лимонных шапочек травы, чтобы успеть собрать несколько ягод поспевшей земляники. Ягоды, спрятавшись в прохладной росе, заманивали на поклоны. В свежести утра наклоняться было легко и весело. Первые земляничины таяли во рту. Звонкая птичка сообщала о ночном дожде: «Пить-пить-пить…». Воздух был напоён проникающим в лёгкие озоном. Хотелось вдохнуть полной грудью запахи лета, раскинуть руки в стороны и покружиться на поляне, щеголяя складками разноцветного коротенького сарафана. Тоненькие загорелые плечи, ручки и ножки были доверчиво открыты солнышку.

«Да, точно, хорошо, как в детстве», — вернулась к незнакомцу Лена. Перед ней стоял красивый молодой человек, поразительно похожий на Киану Ривза.

— Узнаёшь? — лихо перекатившись колесом по траве, крикнул «Киану».

— Ты Киану Ривз? — удивлённо спросила Лена.

— Ки-и-йя-я-я! Ну? — самозванец сделал резкий выпад вперёд, выкинув правую ногу и изобразив руками позу кобры перед прыжком. — Не узнаёшь?

«Почему он назвал меня Лёликом?» — не давала покоя навязчивая мысль. Так бывает, когда пытаешься что-то вспомнить, но вспышка в нейронах мозга никак не загорается. Дотрагиваясь кончиками пальцев до лба, Лена невольно прикрыла глаза, пытаясь уловить ускользающий импульс воспоминания.

— Да не закрывай ты глаза! — настырно отнял от лица её руки «Киану». — Ты и так спишь!

Незнакомец был одет в яркую сиреневую рубашку с коротким рукавом и серые, со строгими стрелками брюки, перехваченные светлым кожаным ремнём — словом, как-то совсем не по-спортивному для лесной поляны. Летние туфли тоже были не для прогулок по траве. Он стоял перед ней с пружинистой осанкой и выжидающе молчал, давая возможность хорошенько рассмотреть себя. «Хорошо хоть не в галстуке», — критично подумала Лена о его щеголеватом наряде.

Она ещё раз внимательно взглянула на молодого человека, и ей стало не по себе. Лена чувствовала, что откуда-то его знает или когда-то знала, но не может вспомнить. «Опять эти провалы в памяти», — ей стало грустно.

— Кажется, у меня дежавю, — призналась она.

— Дежавю — это хорошо, это я немного рассинхронизировал твои каналы, чтобы ты вышла на связь со

мной, — у собеседника оказался сочный и чистый баритон.

— Ты из «Матрицы»? — спросила оторопевшая Лена, вспомнив, что перед сном смотрела первую серию американского фильма.

На какое-то мгновение оцепенел и «Киану». Но тут же пришёл в себя:

— Да из какой «Матрицы»! — махнул он рукой и улыбнулся, обнажив ровные зубы: — Я уж подумал, что ты нашу матушку так называешь.

- Па-а-арня в горы тяни-и-и, рискни,
Не броса-а-ай одного, его-о-о,
Пусть он в связке одно-о-ой с тобо-о-ой,
Там пойме-е-е-ешь, кто тако-о-о-ой!

Красивым мягким баритоном пропел незнакомец и встал на одно колено, протянув к Елене руки.

— Ну как? Похоже? — поднявшись, он стряхнул прилипший к брючине одуванчик.

— Ты на моего папу похож, — вдруг догадалась Лена. — Но ты же не мой папа?

— Ну конечно, нет, я не твой папа! — рассмеялся певец, выставляя вперёд развёрнутые ладони, словно подтверждая искренность своих слов. — Зови меня просто Сан Саныч, — наконец-то представился он, по-свойски положив крепкую атлетическую руку Лене на плечо.

Руки Сан Саныча были точь-в-точь как у папы — с красивыми сильными мышцами от локтя до кисти. Видно было, что это трудолюбивые, надёжные руки.

— Но вот насчёт папы ты права, сестрёнка, — вздохнул новоявленный Сан Саныч. — Папой я недавно уже стал и готовлюсь стать ещё раз, а ты должна дать мне такой шанс.

Лена уставилась на него как на психа.

— Пойдём, — призывно махнул рукой голливудский красавчик и увлёк её к ручью, где был расстелен зелёный, до боли знакомый с детства плед.

При виде полосатого покрывала у Лены брызнули слёзы.

— Тише-тише, — ласково успокоил её Сан Саныч. — Не нужно плакать, нужно действовать.

— Как действовать? Что ты собираешься делать? — не понимала и никак не могла взять в толк, что происходит, растерянная девушка.

— Садись и слушай, я сейчас постараюсь тебе всё объяснить, — легко приземлившись по-турецки, пригласительным жестом похлопал он по покрывалу. — Потом ещё и книжку про это напишешь, — подмигнул он.

Лена, не сводя глаз с загадочного балагура, осторожно присела на самый краешек.

— Какую ещё книжку, о чём это ты? — она недоверчиво продолжала изучать собеседника.

Во сне ведь это не считалось дурным тоном.

— Про любовь, конечно, — хмыкнул Сан Саныч, широким взмахом руки обводя лесные просторы за ручьём. И тут же вернул жест к ней, словно преподнося весь мир на открытой ладони.

Лена старалась вглядеться в каждую чёрточку этого простодушного, светлого человека. Прищурившись на солнце, Сан Саныч улыбался, тоже рассматривая её. Лена передёрнула плечами:

— Про любовь все пишут, про это легко писать.

— Легко так говорить тому, кто не знает, что такое любовь. И кто покупается на жалкую подмену любви, — Сан Саныч произнёс это так проникновенно, что у Елены пробежали мурашки по коже.

Возникла моросящая холодком разногласия пауза, которую первым нарушил Сан Саныч. Он примирительно подвинулся ближе, коснувшись её плечом.

— Вот смотри, Лёлик, — в руках Сан Саныча появились лист бумаги и карандаш.

— Подожди, — перебила его Лена. — Почему ты называешь меня каким-то Лёликом и даже не спросил, как меня зовут?

— Да Еленой Александровной тебя зовут, — нараспев, наклонив голову к плечу, блеснул осведомлённостью Сан Саныч. — А Лёлик ты потому, что я так придумал.

«Бред какой-то», — встряхнув головой, Лена посмотрела на проплывающие облака. «Вот проснусь — опять буду смеяться».

— Ты давай запоминай хорошенько, — дотронулся до её руки самоуверенный собеседник. — Ты даже не представляешь, насколько важно то, что я тебе сейчас расскажу.

— Ну хорошо, трави свои басни, — хихикнула Лена и… проснулась.

«Ну точно, бред!» — разлепив веки, поймала первую мысль спросонья Елена. Оказывается, во сне она плакала. Но на душе почему-то было удивительно легко и тепло. Прижав к груди ладонь, она вспомнила, какой мягкой, ласковой волной коснулось её это смешное имя — «Лёлик».

Сан Саныч поучает

Через несколько дней, вновь с пятницы на субботу, Сан Саныч продолжил свой рассказ во сне Елены.

— Ты давай так внезапно не просыпайся, а то не договоримся никогда. У меня пока ресурс ограничен. Ты должна его восстановить, тогда я перестану появляться у тебя во снах, — выговаривал он.

— Как будто я могу управлять своими снами, — резонно заметила Лена.

— Конечно, можешь, — заверил её Сан Саныч. — Как раз об этом я тебе и хотел рассказать. Сон нужно досматривать до логического завершения.

— Какое логическое завершение, когда во сне один сплошной бред! — воскликнула Лена, всплеснув руками.

— Ладно, сосредоточились, — набрав побольше воздуха в грудь, вздохнул братец. — И ты обязательно меня поймёшь, — выдохнул он.

— Рассказывай, — покладисто приготовилась слушать Елена.

На этот раз Сан Саныч подвёл её к белому металлическому шкафу, который когда-то стоял у них в ограде отчего дома. И розовым мелком быстро написал:

«$F = \lim \Delta N(t) / \Delta t$ (при $\Delta t \to 0$), где…»

«Я что, опять к экзаменам готовлюсь?» — погрузилась в математику Лена.

— Определение производной, быстро! — скороговоркой потребовал Сан Саныч, сопровождая своё нелепое требование тычком указательного пальца в сторону сестры.

— Производная — это предел отношения приращения функции к приращению аргумента при приращении аргумента, стремящемся к нулю, — словно загипнотизированная, монотонно отчеканила Лена.

— Молодец! — так же скороговоркой похвалил математик. — Теперь смотри: F — это наше будущее, аргумент t — понятно, время, от которого всё зависит. F — момент будущего, зависящий от конкретной функции настоящего.

Сан Саныч сделал паузу, внимательно глядя в глаза Лене и убеждаясь, что контакт не потерян.

— Ну, я не тупая, — криво улыбнувшись, ответила она.

— Надеюсь, Лёлик, что ты большая умница, — с неподдельной надеждой вздохнул Сан Саныч и продолжил: — $\Delta N(t)$ — это функция настоящего, которое тоже зависит именно от времени.

«Что он мне прописные истины толкует», — заскучала Лена.

— С прописных истин всё начинается, — угадал её мысли Великий Учитель.

— Ну, всё-таки я дипломированный инженер, может, перейдём сразу к сути? — деловито предложила Лена-Лёлик.

— Да уж, дипломированный инженер, пугающийся розеток и готовый окропить их святой водой и осенить крестом! — укоризненно покачал головой всезнающий Сан Саныч.

«Откуда он это знает?» — смутившись, Лена уставилась на собеседника. Да, она боялась «живых» розеток. Окончив политех с красным дипломом, в электрических схемах она разбиралась только в теории на бумаге. На бумаге всё было логично и очевидно, а в реальности могло случиться всё что угодно.

Вообще к электроприборам Лена относилась с уважением и на «вы». Иногда даже разговаривала со своей бытовой техникой, выстраивая с ней доверительные отношения. Она верила

в то, что у любой машины есть электродуша, и прибор будет служить человеку в зависимости от того, как эту электродушу к себе расположить, поэтому старалась «подружиться» с техникой и всегда почтительно ухаживала за ней.

— Вернёмся к нашему вопросу, — постучал мелом по металлической дверце Сан Саныч.

— К чему ты клонишь? — прижала голову к правому плечу Лена.

— К тому, что из настоящего можно перемещаться в разные точки прошлого и будущего! — не выдержав промежуточных звеньев долгих объяснений, воскликнул он.

— Как это? Машины времени же не существует! — упрямо перебила Лена.

— Машины времени не существует, а я существую! — с отчаянием в голосе спорил Сан Саныч. Он не ожидал, что ему так трудно придётся доносить свою мысль до сестры.

— Да кто ты такой, чтобы учить меня? — не выдержала Лена.

— Я?! — Сан Саныч выразительно посмотрел на неё. Его образ стал расплываться, сливаясь с бледным металлическим шкафом. — Я твой родной брат, — словно эхом донеслось до Лениного слуха.

— У меня нет родного брата, у меня только была родная сестра! — со слезами крикнула ему Лена и стерла розовую формулу со шкафа.

*****

Проснувшись, Елена скинула с себя жаркое одеяло. Будильник тикал так, словно хотел достучаться до её сознания. Разбуженный резким движением кот Тарас спрыгнул с дивана следом за хозяйкой, коротко мяукнув при мягком приземлении. В душе стояло какое-то смутное смятение, и она прошла на кухню выпить талой воды с кусочками льда. Лена любила замораживать в холодильнике бутылки — ей казалось, что так напиток становится гораздо вкуснее. «Почему мне уже который раз снится этот бред?» — глотая ледяную живительную влагу, подумала она. Непонятное беспокойство лишало её привычной гармонии. Замирая от студёного потока, обжигающего и словно остужающего горящее сердце, она пыталась уловить причину своей тревоги, но это никак не удавалось. Тарас, тихо мурлыча, тёрся о ноги, и Лена налила в миску и ему. «Надо досмотреть сон до логического завершения», — усмехнулась про себя Елена и в сумерках лунного света вернулась в спальню. Она взбила подушку, перевернув её прохладной стороной к лицу, и легла на спину, вытянув руки по швам. «Я большое красивое Солнце…» — с лёгкой усмешкой попыталась расслабиться полуночница.

*****

— Ну вот, умница, — примирительно улыбнувшись, встретил её вновь во сне Сан Саныч.

— Хорошо, расскажи мне сначала о себе, а там посмотрим, — высвобождая руку из его тёплых ладоней, проговорила Лена. — Почему ты сказал, что ты — мой родной брат? Мама с папой и сестра давно умерли, откуда ты взялся?

— Я родился в мае тысяча девятьсот восемьдесят второго года, — мягко ответил братец. — Шестнадцатого мая.

— Ты не мог родиться шестнадцатого мая восемьдесят второго года — моей мамы уже не было! — с комком слёз в горле Лена вспомнила, как за год до этого подписала для мамы две открытки ко дню рождения и никак не могла определиться, какую именно ей подарить. «Подарю вот эту, — наконец-то выбрала она одну из них, — а вторую — на следующий год…»

Через год, перебирая бумаги в письменном столе, она наткнулась на эту открытку, подписанную за год до назначенной даты. «Наверное, это очень плохая примета…» — виновато склонилась над ней Лена. Она вспомнила, как мама не любила свои дни рождения и никогда их не отмечала. Никогда. Кроме одного-единственного дня рождения — девятнадцатого мая тысяча девятьсот восемьдесят первого года, последнего в её короткой молодой жизни.

Елена сквозь слёзы посмотрела на Сан Саныча. Он участливо разглядывал её и кивал:

— Да, да, ты должна мне поверить…

— Господи, да ты же мои грёзы! — догадалась наконец Елена. — Я так измучилась от одиночества, — она припала головой к его плечу. — Сан Саныч, миленький, что ты можешь сделать?

— Один хороший человек сказал мне однажды, что в жизни можно всё изменить, — задумчиво поглаживал её по голове лёгкой рукой родной брат. Ощущения от его прикосновений были настолько реальны, что Лена ни за что не хотела просыпаться, хотя наступило уже утро.

Кажется, Лена начинает понимать Сан Саныча

Наступило утро субботы, и Лена, быстренько управившись с обязательными домашними делами, достала старые семейные фотографии. Хороших, отчётливых снимков с маминым изображением было очень-очень мало. Лена берегла их как самое ценное доказательство того, что мама когда-то держала её на руках. Однажды ей посоветовали всегда носить при себе фотографию папы, чтобы подпитывать свои силы. И она выбрала карточку, на которой отец держал её на руках совсем малюсенькую.

— Это идеальный выбор для источника силы, — одобрительно оценил снимок добросоветчик.

Разглядывая старые фотокарточки, Лена никогда не плакала. Наоборот, от них исходила аура того счастья, которым она была окутана в детстве.

Закрыв глаза, Лена попыталась восстановить образ мамы. Она вспомнила, что давным-давно мама однажды сказала: «Я скоро умру». Почему она так сказала, Лене даже сейчас было совершенно непонятно. Ведь мама ничем смертельным не болела, но зачем-то произнесла эту фразу, от которой у маленькой дочери пробежали мурашки по коже.

После этого ночью ей приснился странный сон, будто в детской комнате в углу кто-то стоит. Несмотря на то что Лена очень сильно боялась темноты, во сне она не испугалась и подошла проверить, кто там прячется. Приучив глаза к сумраку, девочка сумела разглядеть маленькую сгорбившуюся женщину в чёрном платье. «Мама?» — позвала её Лена. Незнакомка свернулась калачиком и растаяла. Дочь протянула руку к стене и убедилась, что пространство в углу пустое. От удивления она проснулась.

Полежала с открытыми глазами, разглядывая наяву тот самый угол в детской, где только что пряталась маленькая мама. «Моя мама умрёт?» — с беспокойством вспомнила её предупреждение девочка. И подумала: «Даже если мама умрёт, я всё равно буду с ней общаться, например во сне…» Прокравшись на цыпочках, Лена осторожно заглянула в родительскую спальню. Родители спокойно сопели на софе.

— Почему папа спит возле стенки? — спросила однажды Лена.

— Потому что отец боится спать с краю, — как всегда пошутила мама. Она часто шутила.

«Может, она так же пошутила про то, что может умереть? Но разве это смешно?» Лена вдруг поняла, что, возможно, маме не хватает дочерней заботы, поэтому ей хочется, чтобы её жалели, и твёрдо решила: никогда больше не будет обижать маму, а всегда станет её жалеть и слушаться.

Вернувшись в свою постель, Лена попыталась уснуть, и на неё навалилось очень тяжёлое, горячее и тревожное сновидение. Огромное рыжее солнце погружалось в тучи, раскаляя пространство. Казалось, воздух был таким душным, что от его колебаний закладывало уши. Лена брела по песку в поисках мамы и никак не могла её найти. Каждый шаг давался с большим трудом — приходилось высоко поднимать ноги, чтобы не увязнуть окончательно. На сердце неподъёмным грузом ныла оброненная мамой мысль о смерти. Невыразимая тоска, словно обруч, сжимала грудь, становилось трудно дышать. Страх ожидания чего-то неизбежного сковал всё тело. Она оглянулась и увидела сестру. «Таня, ты знаешь, что наша мама умерла?» — спросила она маленькую сестрёнку и прижала к себе. Не в силах больше выдерживать этот гнетущий сон, Лена сделала усилие, словно выныривая с давящей глубины, и проснулась.

Детская комната была наполнена косыми лучами золотистого солнца, отражавшегося от коридорного зеркала. За окном жёлтенькие цветы акации напоминали о лете. У противоположной стены Таня уже сидела в своей кровати на подушке и листала журнал «Советский экран», который они накануне читали с двоюродным братом Славой.

— Мама! — позвала она проходившую мимо Любовь Васильевну.

— Проснулись? — мама заглянула в детскую. Она была в летнем сатиновом халатике в мелкий горошек, волосы подобраны резинкой в маленький хвостик. Одна линза у очков была треснутая. Мама всё никак не могла собраться заменить себе очки — так и ходила с треснутым стеклом. — Давайте завтракать, потом все в огород, и поедем сегодня к бабушке. Слава уже свой участок окучил, — мама улыбнулась, поправляя оправу.

Лена подпрыгнула к маме на шею.

— Ну, нечего на мне виснуть, — разнимая её руки, сказала мама. — Пошли умываться, — и она, балуясь, стянула Лену с постели. Так хорошо было потянуться в маминых руках, прогоняя нехороший сон.

В то лето у них гостил двоюродный брат Лены Слава. Он уже так соскучился по своему дому, что спозаранку моментально выполнил поставленное накануне мамино условие:

— Поедем на рудник, как только окучим всю картошку. Каждому выделен свой участок.

С картошкой расправились быстро. Собрав нехитрый провиант, дружное семейство выдвинулось в дорогу на новеньком «Запорожце».

— Конечно, он страшненький, но зато новый, — оценил автомобиль Слава, когда впервые его увидел.

«Запорожец» с трёхмесячным пробегом не обращал внимания на такую нелестную оценку. Ему нравилось кататься по пыльным лесным дорогам под весёлую песенку магнитофона:

…Нас обгоняет, кто пожелает,
Люди смеются нам вслед…
Только однажды папа отважно
Взял и обогнал велосипед… Ура! …

— Давай, давай, Шурик, — ласково поглаживая приборную панель автомобиля, уговаривал папа «Запорожец» в трудные минуты пути.

— Почему Шурик? — Лене всегда было любопытно, что там опять напридумывал отец.

— Потому что это наш Сан Саныч, — гордился папа своим любимцем.

Лена вспомнила, как родители радовались, когда купили машину, как получили государственный номер. Почему-то она отнеслась к крупному приобретению по-философски спокойно. Без эмоций. Просто по-взрослому сдержанно сказала родителям:

— Поздравляю.

Может быть, она ещё не понимала тогда всех преимуществ собственного авто, а может быть, интуитивно чувствовала, что этот сверкающий добродушный «Шурик» станет невольным разрушителем их счастья.

*****

Прервав свои воспоминания, Лена вздрогнула: «Сан Саныч? Это же нашего „Запорожца“ папа называл Шуриком и Сан Санычем!» — озарила её догадка. От неожиданного прозрения она подпрыгнула на диване, отложив в сторону альбом. «Мистика какая-то: Сан Саныч является во сне в роли родного брата», — её мысли путались в логическом лабиринте. «Да нет тут никакой логики, просто во сне так работает подсознание», — успокоила она себя и вернулась к привычной реальности выходного дня.

Сегодня Лена собиралась покататься на велосипеде по острову, где всегда чувствовала себя уютно и спокойно. Татышев, раскинувшийся в самом центре города, был её любимым местом отдыха. Такие прогулки на свежем воздухе словно заново возрождали нервные клетки.

«Нервные клетки не восстанавливаются», — любила повторять мама авторитетное мнение врачей. «Ещё как восстанавливаются», — улыбалась Елена, крутя педали и подставляя лицо ласковому тёплому ветерку. Именно здесь она обретала душевный покой, все заботы куда-то улетучивались, словно этот зелёный уголок стал намоленным местом для всех отдыхающих горожан. Над всем островом царила аура безмятежности.

Сан Саныч атакует

Настойчивый Сан Саныч снова явился, едва очарование сна коснулось уставшей от летней жары Елены.

— М-м-м, опять ты здесь, — привычно на этот раз встретила его она. — Ну, рассказывай, Шурик, что ты на сей раз приготовил? Ты что-то хотел изменить? А может, я ничего не хочу менять в своей жизни? Может, меня всё устраивает?

Лена продолжала напирать на посерьёзневшего Сан Саныча, который, несмотря на её натиск, не отступал ни на шаг.

— Ты пришёл, чтобы искупить свою вину? Ведь это ты погубил тогда нас! — Лена вдруг поняла, кому может предъявить терзавшие душу претензии.

— Ти-и-иш-ш-шь, — Сан Саныч приложил палец к губам. — Ты права, я действительно пришёл, чтобы искупить свою вину. Но моя вина совсем не в том, о чём ты думаешь. Ты напрасно путаешь меня с нашим добрым другом «Запорожцем», — он усмехнулся. — Он, кстати, уже давно на пенсии, — в глазах братца прыгали искринки смеха. — Ты же видишь, что я человек, а не машина, — выпячивая вперёд вполне человеческую грудь, продолжал контратаку он.

— Что ты от меня хочешь? — измученным голосом спросила сестра.

— Так много нужно рассказать тебе, а ты всё время меня прерываешь своими просыпаниями, — потирая кончиками пальцев высокий лоб, задумчиво проговорил Сан Саныч.

— Ну, я же не могу для твоей пользы заснуть летаргическим сном! — ехидно уколола его Лена.

Сан Саныч вздрогнул:

— Летаргическим не надо! Но можно наркоз… — он задумчиво посмотрел на неё.

— Ещё чего! Тебе дай волю, ты из меня наркоманку сделаешь и скажешь, что так и было, — Лена в запальчивости кинула в него маленький резиновый мячик.

— Хорошо, — прервав свои размышления и словно решившись на что-то важное, кивнул Сан Саныч. — Я думаю, что так будет доходчивее. Постараюсь на этот раз успеть до твоего пробуждения.

Он решительно взял её за руку и вывел из комнаты.

— Куда мы идём? — поинтересовалась Лена, озадаченная внезапной сменой настроения Сан Саныча.

— Вот, заходи, — на этот раз он не тратился ни на какие разъяснения. Они стояли перед огромными дверями. Шурик толкнул одну из них, и на Лену пахнуло прохладой зрительного зала с множеством мягких кресел.

— Идём, — позвал за собой братец, проводя сестру в середину ряда.

Присев в вип-зоне огромного, с приглушённым светом помещения, Лена вопросительно повернула голову в сторону своего загадочного соседа:

— Мы пришли посмотреть кино?

— Что-то типа того, — неопределённо произнёс Сан Саныч и нажал на пульте кнопку «вкл». Белый экран откликнулся послушным звуком.

… То-о-о ли-и-и война-а-а-а, то-о-о ли-и-и э-э-эхо проше-е-еча-а-а-ай войны-ы-ы-ы…, - полился с экрана детский низкий голос.

Лена в изумлении посмотрела на Сан Саныча. Она узнала магнитофонную запись. Это был её голос. Над манерой её пения родители по-доброму потешались, умиляясь протяжному «проше-е-еча-а-а-ай».

— Ну, это ты потом посмотришь, — пробормотал Сан Саныч и нажал на перемотку. — Вот, например, здесь.

Лена, не отрываясь, впилась глазами в экран. То, что там происходило, потрясло её воображение. Она призналась себе, что даже во сне бы такого не напридумывала.

— Надень вот это, — Сан Саныч протянул ей шлем.

Лена, не оборачиваясь на его слова, приняла в руки необычный головной убор и оцепенело надела его… В следующий миг она уже была участницей происходящих на экране событий.

Призрачное счастье

— Та-а-а-ак, а кто тут у нас? — папа откинул краешек уютного кулёчка, перевязанного голубой ленточкой.

Счастливая мама, передавая мужу конверт с сынишкой, привычным жестом поправила очки.

— Шу-у-у-урик, — выдохнули мы с Таней, подпрыгивая от нетерпения, чтобы получше разглядеть новорождённого.

— Ты так похудела, — одобрительно погладила тётя Неля мамину талию.

— Да, роды пошли мне на пользу, после Лены я тоже была как тростиночка, — с облегчением улыбалась мама.

— Поехали быстрее домой, — в голос тараторили мы с сестрой. Нам не терпелось рассмотреть маленького братика, понять, на кого он похож.

— На папу, конечно, — отец гордо улыбался. Наконец-то у него сын!

Шурик оказался похож на лягушонка. Красный, он заливался плачем, когда его дома распеленали перед купанием.

Сегодня был день маминого рождения — ей исполнилось тридцать пять лет. Именно в этот день мы забрали маму из роддома: три дня назад у нас родился Шурик. Я уже оканчивала с отличием седьмой класс, а Таня — второй. Мы поставили во дворе стол под цветущими яблоньками, чтобы насладиться тёплым майским днём. Малыша мама уложила в коляску рядом с нами.

— Пусть подышит, — заботливо накрыв коляску лёгкой тюлевой занавеской, покачивал папа люльку.

Он был абсолютно трезв и в то же время совершенно пьян от счастья.

— Закрой глаза, я тебе что-то подарю, — отвела меня в сторонку Таня.

*****

Лена закрыла на мгновение глаза, а открыв их, снова ощутила, что сидит в зале рядом с Сан Санычем.

— Чуть не прозевал нужный момент, — взволнованно произнёс он. — Выходить из сеанса нужно с учётом маленьких перепадов в изображении.

— То есть вот так — не успеешь моргнуть, и счастье исчезнет… — Лена опустила голову. Она готова была растаять в потоке подступающих слёз.

— Не надо, — погладил её по руке брат. — Ты не должна плакать. Иначе можешь наплакать целый океан, а мне нужно будет тебе ещё много чего показать.

— Откуда у тебя эта запись? — Лена требовательно смотрела на него. Она уже не сомневалась, что перед ней сидит её родной брат, рождение которого она только что увидела собственными глазами.

— Это не запись, это моя жизнь. Это наша жизнь. Твоя, мамина, Танина, папина. Наша, — Шурик серьёзно смотрел на неё, закусив правую половинку нижней губы.

«Иногда так делала мама», — подумала Елена.

— Ты мне покажешь, что было дальше? — с надеждой попросила она.

— При условии, что ты больше не будешь плакать, — улыбнулся он.

— А почему мне нельзя поплакать, ведь я же не железная? — не понимала Лена.

— Когда ты плачешь, ты словно отрицаешь то, что видишь. Но разве ты хочешь всё это отрицать?

Преодолевая подступившие слёзы, Лена отрицательно покачала головой.

— Ладно, на первый раз достаточно, продолжим в следующий раз, — щадя её чувства, собрался вставать Сан Саныч.

— Нет, нет! — Лена вцепилась в него руками. — Я не хочу в следующий раз, я хочу сейчас увидеть ещё раз маму живой. И Таню. И папу. И тебя, — она улыбнулась сквозь предательские слёзы.

— Вот в этом ты вся: тебе всё надо сразу, ты так и не научилась терпению, — назидательно выговаривал ей Шурик, выводя из зала. — Если ты всё сразу посмотришь, то в реальной своей жизни можешь впасть в кому, а в мои планы это никак не входит — да и в твои, я уверен, тоже.

Сан Саныч был совершенно серьёзен, когда это говорил.

— Да разве можно вытерпеть такое! — несмотря на то что они уже вышли из зрительного зала, Лена требовала продолжения просмотра.

— Можно. Нужно, — Сан Саныч посмотрел ей прямо в лицо своими орехово-карими глазами и растаял в утренних лучах солнца.

Надежда

Рабочий день Лена провела рассеянно. Иногда она ловила себя на том, что тупо сидит перед экраном компьютера и мечтательно улыбается.

— Ты не влюбилась, голубушка? — весело спросила её сотрудница.

Лена смущённо закрыла лицо ладошками и покачала головой. Не могла же она рассказать друзьям и коллегам, что потихоньку сходит с ума — но ей от этого хорошо.

В другой момент очередная коллега, заглянув в кабинет, застала Лену с припухшими от слёз глазами.

— У нашего главбуха, кажется, не все дома, — с привычной склонностью разносить сплетни хихикнул водитель. — То смеётся, то плачет.

— Ты, Володя, попробовал бы баланс нашей фирмы свести, ещё не такое бы выдал, — с деланной серьёзностью оправдывала начальницу экономист Аня, искренне переживавшая за подругу.

— Что же в нашем балансе такого, чтобы над ним рыдать или хохотать? — широко улыбаясь, не унимался приставучий Вездесущий Нос.

— Вот подрастёшь и узнаешь, что такого! — Аня прихлопнула папкой по столу. — Поезжай уже в банк, забери документы.

— Да я бегом сбегаю, тут же рядом, — суетливо подпрыгнул прижимистый шофёр.

Он всегда судорожно экономил бензин — даром что работал в торговой компании оптовых поставок нефтепродуктов.

— Беги уже, — отмахнулась от него Аня, как только за водителем захлопнулась дверь кабинета.

Она поднесла чашку чая к лицу и поводила носом: новый аромат заварки ей что-то не нравился. «А может, она беременная?» — подумала Аня про подругу. «Я не удивлюсь, судя по тому, как она в последнее время меня же и наставляет мыслить в этом направлении позитивно. Вот и себе программу запустила». Аня стала припоминать, что Е. А. и правда в последнее время как-то немного округлилась в бёдрах, и привычные джинсы сидели на ней вроде тесновато, когда они недавно катались на велосипедах.

«Ну, захочет — сама расскажет», — решила не теребить больное Аня и щёлкнула мышкой на очередном почтовом задании московского начальства.

Дома, принимая душ перед сном, Лена мечтательно подставляла лицо ласковым струйкам воды и даже немного поёживалась от предвкушения предстоящей дрёмы. Она представила себе, как Сан Саныч сейчас заведёт её снова в кинозал, она наденет шлем и окунётся в светлую, желанную реальность сновидения.

«Реальность сновидения — это случайно не шизофрения у меня развивается?» — самокритично, с иронией подумала Лена, расстилая постель. Она с наслаждением растянулась под мягким лёгким одеялом на спине, привычно вытянув руки по швам.

«Сан Саныч, я готова…» — приказала она себе засыпать.

Но сон на этот раз никак не шёл. Провертевшись до трёх часов ночи, она всё-таки прозевала момент торжественной встречи со сжалившись над ней ночным покровителем. Дрёма подкралась незаметно, мягко окутывая её, словно пушистой бабушкиной шалью, которая легко покачивала в сетке свой улов.

Несбывшиеся ожидания

— Ну что, пойдём уже посмотрим продолжение? — Лена протянула руку к Сан Санычу.

— Подожди, я должен предупредить тебя об очень важном моменте, — придержал её пальцы в своих ладонях он.

— Хорошо, покажешь мне кино и предупредишь, — согласилась Елена.

— Нет, потом будет поздно, — непреклонно покачал он головой.

— Там дальше опять всё страшно плохо? — поёжилась от нехорошего предчувствия Елена.

— Нет, дело не в этом, — успокоил её Сан Саныч.

— Тогда что тебе мешает? Чего ты медлишь? Ты подразнил меня и думаешь, поймал «на червячка»? Ты прекрасно знал, какой червь точит мою душу! — укоризненно всхлипнула Лена.

Сан Саныч привлёк к себе сестру, погладил по спине. Он был немного выше её ростом, худощав, но очень хорошо сложен. «Папина фигура», — подумала мимолётно Лена. Она уже привыкла к мысли, что этот Шурик и есть её младший брат. Хотя, по его версии, он был младше на четырнадцать лет, по рассудительности почему-то даже превосходил её.

— Откуда в тебе столько выдержки, чтобы так издеваться надо мной? — она посмотрела в родное лицо.

Шурик большей частью походил на отца, а вот манерами и мимикой очень напоминал мамины привычки.

Он глубоко вздохнул и предложил:

— Постарайся просто спокойно меня выслушать. Тебе понадобится некоторая пауза, чтобы вникнуть в смысл моих слов, но я не тороплю, хотя у нас не так много времени.

Уяснив, что без его помощи она всё равно никак не проникнет в заветный кинозал, Лена покорно приготовилась слушать.

— Итак, посмотри внимательно на эту точку, — на кончике указательного пальца Сан Саныча сияла маленькая звёздочка-снежинка.

Лена присмотрелась. Красивая серебристая снежинка легко спрыгнула с его руки, описав дугу, и застыла в воздухе.

— Это магический момент рождения человека, — проникновенно начал своё внушение Сан Саныч.

Лена заворожённо смотрела на кристаллик, зависший на уровне её глаз.

— Какого человека? Твоего рождения? — полушёпотом спросила она.

— Любого. Каждого живущего на Земле. Всякий, приходящий в этот мир, начинает путешествие своей судьбы с этой точки.

— Да-а-а?! — изумлённо выдохнула Лена.

Слушая банальные аналогии, она не могла оторвать глаз от сверкающего кристалла.

— Да, это исток его жизненного пути, начало отрезка отведённого ему века — так называемая линия судьбы, — продолжал свой гипнотический сеанс братец.

Затем он обвёл мягко сложенной ладонью вокруг точки, словно обволакивая её воображаемым шаром, и снежинка спряталась в оболочке тончайшего мыльного пузыря радиусом чуть больше неё самой.

— Теоретически сразу же после рождения вокруг этой точки возникает сфера, на поверхности которой проступает множество развилок дальнейшего пути. Чем меньше площадь сферы, тем меньше вариантов вероятных будущих событий.

Лена взглянула на брата и вдруг прыснула. Мыльный пузырь, окружающий снежинку, тоже лопнул, брызнув радужной каплей Сан Санычу прямо в глаз.

— Ну ты чего? — обиженно протянул он. — Ты будешь слушать или смеяться? Воистину правы твои коллеги, что, глядя на тебя, немудрено сделать вывод, будто у тебя не все дома, — забурчал он в поисках подходящего карандаша для рисования.

— Просто у тебя такой вид был… — Лена виновато смотрела на брата-волшебника. — В общем-то, идея твоя не нова. Понятно, что, проживая свой век, мы каждый раз на развилке выбираем тот или иной поворот.

— Вот именно что выбираем, — Сан Саныч уже забыл про мыльный пузырь. — И чем длиннее отрезок от точки рождения, тем больше радиус окружающей её сферы, тем больше площадь поверхности, а следовательно, и точек дальнейшего вероятностного пути. И не нужно думать, что всё так гладко катится по одной прямой. Иные внутри своей очередной сферы такие зигзаги накручивают, что сами потом удивляются, куда это их занесло, — назидательно выговаривал он.

— А тебя, значит, ко мне в сон занесло, — с пониманием дела кивнула Лена. Этот маленький философ и забавлял, и интересовал её одновременно.

— Сейчас не обо мне речь, — отмахнулся Шурик. — Смотри дальше, — упрямо гнул он свою линию.

В руках фокусника вдруг появилась линейка-складушка, с помощью которой он изобразил ломаную линию.

— Представь, что такая вот ломаная находится внутри очередной сферы, и точки перелома и ответвления возникают в месте её пересечения с оболочкой.

— А сферы через какие интервалы времени появляются? — деловито осведомилась Лена. Ей стало интересно, к чему приведёт этот рассказ.

— Вот, хороший вопрос, — Сан Саныч привычным жестом поднял вверх указательный палец. — Пересечение отрезков и сфер происходит в ключевые моменты жизни — например, окончание школы, поступление в институт, его окончание, встреча с судьбоносными для тебя людьми и так далее. Если в твоей судьбе не происходит решительно ничего переломного, то жизнь пробежит, как говорится, от точки до точки без вариантов — быстро и скучно.

Лена вздохнула, вспоминая свои рубежи. А были ли в её отрезках такие зигзаги? Ей пришлось признать, что были — да ещё какие.

— Самое главное — не торопиться выходить на финишную прямую, — подмигнул ей Сан Саныч. — В любой момент теоретически можно что-нибудь изменить в своей жизни, и тогда по законам геометрии ты продлишь длину отведённого тебе века, — он поджал губы и поиграл бровями.

— Складно поёшь, — рассмеялась Лена. Ей понравилась идея менять свою жизнь ради её продления.

— Ну и как же ты воспользовался своими догадками? Какую пользу принесла тебе твоя теория? — старалась она из вежливости поддержать разговор.

Сан Саныч погонял по зубам язык и сказал:

— Ты умница, поэтому понимаешь же, что из того переломного момента в августе тысяча девятьсот восемьдесят первого года могло пойти несколько ветвей развития событий. В тот день образовалось целое «дерево», но некоторые ветки оказались безнадёжными. Я позаботился только об одной — самой красивой, с моей точки зрения, ветке нашего семейства, частью которого, естественно, являешься и ты, сестрёнка.

— И как же ты позаботился? — вкрадчиво спросила она.

— Ты хорошо помнишь тот день? — испытующе посмотрел на неё Сан Саныч, но вдруг его лицо озарил голубоватый блеск вспыхнувшей молнии.

*****

Лена, глубоко вздохнув, громко всхлипнула и проснулась. Она резко села на диване, прислонившись спиной к подушке и подобрав под себя ноги. Рядом, уютно мурлыкнув, свернулся калачиком кот Тарас. Обхватив колени руками, Лена посмотрела в окно. Там разыгралась ночная гроза. Шумный ливень хлестал прямо на балкон, и ей пришлось встать, чтобы прикрыть створки.

Да, она отчётливо помнила последний день их безоблачного счастья. Это был жаркий август, суббота. Накануне родители приехали за ними к бабушке, где они с сестрой гостили уже вторую неделю, и Лена устала тосковать по маме.

Перед маминым приездом она проплакала всю ночь напролёт громкими, безутешными рыданиями в голос, но почему-то никто во всём доме не проснулся и не подошёл, чтобы успокоить. Только изредка кукушка на пружинке сочувственно высовывалась из своего часового домика, отсчитывая ночное время. И Лена нарыдалась вволю. Тогда она вдруг отчётливо осознала, что много раз обижала маму и сестру, и раскаяние вязкой лавой разрывало сердце. Она мысленно просила у них прощения, клятвенно обещая себе, что больше никогда-никогда не позволит себе огорчить маму или обидеть сестру. Таня спала рядом с ней в кровати, но почему-то тоже не просыпалась. Она набегалась за день с ребятами и теперь мирно посапывала. Только один раз сонно, оторвав от подушки голову, спросила:

— Ты чего плачешь? Перестань, а то я тоже заплачу. Мама завтра приедет уже.

— Да-да, я уже перестала, — торопливо подобрала свои распущенные сопли Лена.

Она погладила сестру по голове, нежно укрыв одеялом, и порадовалась за себя: ещё не всё потеряно, она молодец, что наконец-то почувствовала, как дороги ей родные — самые близкие во всём мире люди. Она поняла, что дороже семьи для неё нет никого на свете. И теперь, когда пришло это взрослое осмысление ценностей, она уже не наделает больше глупых ошибок, научится любить их по-настоящему. Рано научившись сожалеть о своих промахах, девочка облегчённо решила, что впредь постарается избегать поводов для горьких сожалений. Это был её первый отработанный раскаянием опыт. После таких мыслей, немного успокоившись, Лена наконец-то заснула.

С утра весь день прошёл в нетерпеливом ожидании.

— Пойдём в кино, — позвала её подружка Жанна в клуб.

— Скоро мама с папой должны приехать, — не соглашалась Лена.

— Да сходите уже, они вот только выехали, — сказала бабушка, уставшая от шума и гама непоседливых внуков. — Им ехать ещё два часа, я хоть немного отдохну от вас.

И они пошли с сестрой в кино. В клубе Лена сидела как на иголках, а когда закончился сеанс, они с Таней наперегонки, на одном дыхании понеслись домой.

Завидев издалека припарковавшийся возле ограды «Запорожец», Лена прибавила скорости, не позволяя при этом сестре отставать. Сёстры облепили маму, гроздьями повиснув у неё на шее. И мама загребла в охапку обеих, поочерёдно целуя в макушки.

— Господи, какие страсти, — всплеснула руками бабушка. — Неделю не виделись, а слёз-то океан!

— Не неделю, а две! — оказывается, ночью Лена выплакала ещё не все свои слёзы. Она никак не могла насмотреться на маму, словно хотела впитать в себя каждую её чёрточку, каждое движение.

— Да что это такое, прям как перед… — бабушка осеклась, не позволяя сорваться с языка нехорошей мысли.

Наконец-то слёзы радости были вытерты насухо. Таня побежала дальше играть во двор, а Лена ни на шаг не отходила от мамы. Она заметила, что у той новые красивые очки с серебристой оправой — тонкая дужка очень шла к лицу.

— Ты как-то похорошела, — заметила бабушка.

— Да, — с достоинством подтвердила мама, — я стала делать медовые маски. Не хочу стареть. Хочу навсегда оставаться молодой, — и задорно рассмеялась над недоверчивым бабушкиным покачиванием головы.

Лена разглядывала каждую родинку на мамином смуглом лице, не выпускала из своих рук её загорелые ладони, на которых очень чёткой розовой границей разделялись тыльная и внутренняя стороны. Она поглаживала круглые мамины ноготки и водила пальцем по маленькому белому пятнышку на ногте большого пальца. Ей хотелось в тот момент слиться каждой клеточкой с родной душой. Мама что-то оживлённо рассказывала бабушке, постоянно привлекая в объятия дочь. Да, они действительно очень скучали друг без друга.

Крутившаяся во дворе подружка Жанна помахала Лене рукой, вызывая её из летней кухни.

— Я сейчас, — Лена осторожно высвободилась из маминых объятий. — Ко мне мама приехала! — сообщила она радостно Жанне.

— А папа твой где? — поинтересовалась та.

Лена оглянулась вокруг: папа подшучивал над играющими во дворе ребятишками, подкидывая им мяч. Девочка осторожно подошла к отцу и прижалась к нему. С папой у неё были не такие жаркие ласки, как с мамой — здесь всё было по-отечески сдержанно. Он приобнял дочь и, шутя, выпустил ей в чёлку дым от прикуренной сигареты.

— Горим, горим! — засмеялась Лена, вороша волосы.

Ей нравились папины шуточки.

— У тебя такая красивая мама, — искренне сообщила Жанна.

Лена скромно кивнула. «Да, мама у меня очень красивая», — счастливо подумала она и, улыбаясь, тут же подбежала опять к ней передать комплимент подружки:

— Мам, Жанна сказала, что ты очень красивая, брови такие у тебя выразительные, в очках, — солидно пересказывала она полушёпотом приятную новость.

— Да? — мама доверчиво поправила оправу и повернулась к мужу: — Вот, Ленина подружка считает, что я красивая.

— Конечно, красивая, — подтвердил папа. В тот день все, словно сговорились, осыпали маму комплиментами и восхищёнными взглядами.

На следующий день, в субботу, пятнадцатого августа, родственники съездили в лес за ягодой, а к вечеру засобирались домой. Пора было уезжать от бабушки.

— Может быть, ещё останетесь на денёк? — попросила та. — А то мы с отцом тоже завтра уезжаем, Петя останется совсем один, после такой шумной компании ему будет одиноко.

— Вертугины же здесь, — мама решительно собирала в дорогу вещи. — Нам завтра Долговых надо встретить, они приезжают на поезде из Сретенска, — она воодушевлённо улыбалась, её радовала предстоящая встреча.

— Борису с Любашей от нас большой привет, — напоследок сказала она.

Бабушка с дедушкой тоже планировали поездку к старшему сыну.

Вертугины поехали провожать гостей на своих «Жигулях». И машины кортежем выдвинулись в сторону Давенды. По правде сказать, дорога оставляла желать лучшего.

— Там впереди такая безобразная лужа, — вспомнила мама. — Если её проедем, то остальные испытания нам не страшны.

Добравшись до противной лужи, папа остановился:

— Ну, давай, Шурик, не подведи, — помолился он на «Запорожец».

И «Шурик» не подвёл: он собрал под капотом всю мощь своего новенького мотора и перескочил через коварную канаву на дороге.

— Ур-р-ра-а-а! — папа притормозил, и все выскочили на обочину помахать оставшимся на той стороне Вертугиным.

— Оставайтесь там! — махнула им рукой мама.

Но у дяди Володи Вертугина был упрямый, амбициозный характер, и он решил, что тоже проскочит — уж если какой-то «Запорожец» сумел…

Однако дядя Володя не умел разговаривать с механизмами, и «Жигули» по всем законам физики успешно застряли в хлюпающей под колёсами колее, надёжно присосавшись брюхом к жидкой грязи.

— Ну во-о-от, — разочарованно протянул папа, понимая, что придётся выручать родственников.

А ребятишек это только развеселило, потому что такая задержка дала им шанс ещё поиграть вместе. Таня с Игорем резвились так, что от их звонкого визга тётя Неля прижимала ладонь к виску:

— Господи, сколько можно уже! — вырывался из неё педагогический характер. Мама смотрела на детскую суматоху со снисхождением — они о чём-то секретничали с тётей Нелей.

Наконец-то мужчины вытащили «Жигули» из чавкающей жижи, и семейство двинулось дальше.

— Ну, дальше мы не поедем провожать, поздно уже, — рассудительно сказала тётя Неля. — Хотели до Кислого доехать, да ладно, поезжайте, а то темнеть скоро будет.

И они расстались. Дети помахали друг другу ручками, и машины покатили в разные стороны. Уже в сумерках «Запорожец» добрался до рокового ручья. Уровень воды был рискованно высоким, но папа почему-то не обратил на это внимания — ведь накануне, всего день назад, они проезжали здесь спокойно.

Лена вспомнила, что по дороге к ручью в машине состоялся странный разговор с родителями.

— Мы везучие или нет? — ни с того ни с сего спросила она папу.

— Ну, конечно, везучие — видишь, как мы удачно добрались и канаву ту перескочили.

— Это всё из-за Тани, она у нас счастливая! — опять необдуманно проговорила Лена.

Набегавшись, Таня свернулась калачиком на заднем сиденье и уже спала.

— А ты? — спросил папа. — Ты разве не счастливая?

— Я не знаю… — чуть подавшись вперёд от внезапной остановки, тихонько произнесла Лена.

Они встали перед самым роковым моментом в их жизни. Постояли, подумали. Шумела вода, но из машины было непонятно, насколько глубока протока. Впоследствии Лена не понимала, почему они не вышли и не проверили брод, как это обычно делали днём. А сейчас уже наступили сумерки, и тем более нужно было осмотреться. Но, видимо, торопились. Торопились домой. Встречать Долговых. Торопились жить.

— Рискнём? — спросил папа, повернувшись к маме.

— Рискнём, — смело отозвалась мама.

Приступ недоверия

— Да у тебя жар! — Сан Саныч прикоснулся прохладной рукой ко лбу старшей сестры. Лена не заметила, как воспоминания сморили её, и она вновь заснула. Жгучие, как языки пламени, уголки её памяти больно лизали воспалённое сознание.

— Ты не должна заново проживать эту трагедию, — он заботливо подоткнул сестре одеяло. — Тебе не нужно ворошить старые раны и резать как по живому по своим страхам. Я не для этого к тебе пришёл, — мягко внушал он ей успокаивающие мысли.

— А зачем ты пришёл? — разлохмаченный мозг Лены отказывался разгадывать бесконечные загадки Сан Саныча.

— Мы с тобой дошли до самого больного. Пятнадцатое августа стало не только днём гибели нашего счастья — ещё это был день моего вероятностного появления на свет. При другом развитии событий именно тогда произошло моё зачатие.

Лена посмотрела на Шурика сквозь ресницы. «Похоже на раздвоение личности, разговор с самой собой», — её мысли еле ворочались тяжёлыми валунами.

— Да ты просто плод моего больного воображения! — со звонким отчаянием воскликнула она.

— Я тоже мог бы сказать, что ты плод моего воображения, но ты же про себя точно знаешь, что существуешь, — спокойно возразил Сан Саныч. — Так вот и я про себя точно знаю, что существую, — добавил он, поджимая губы.

«Вот поспорь с ним… Напоминает игру в шахматы с самой собой», — устало подумала Лена.

— Докажи мне, что ты существуешь, вылечи мою душу, покажи свой фильм о счастливом мае восемьдесят второго года, — умоляюще попросила она.

Сан Саныч глубоко вздохнул и отрицательно покачал головой:

— Я не могу этого сделать…

— Как?! Ты же обещал, что покажешь мне! — Лена прикрыла глаза и застонала: ей уже невыносимо хотелось убежать куда-нибудь от вновь накрывшей её реальной безысходности.

— Зачем, зачем ты разбередил мои сокровенные воспоминания?! Чего ты добиваешься? — никак не понимала она.

— Я хочу помочь тебе, — он доверительно смотрел на неё. Лена отметила про себя, что у него была привычка глядеть прямо в глаза, словно он хотел заглянуть в самую душу — а впрочем, ему это удалось.

— Я не могу показывать тебе запись о жизни после рокового августа тысяча девятьсот восемьдесят первого года, потому что это может создать у тебя иные воспоминания. Они будут существенно отличаться от тех, которые ты прожила на самом деле, и тогда при проверке в Институте Временны́х Перемещений ты не сможешь показать чистый результат своих намерений.

Лена не реагировала на его слова. «Пусть уже говорит всё, что хочет мне сказать, спорить с ним так же бесполезно, как разрезать воду ножом», — она покорно лежала и слушала с закрытыми глазами его проникновенный голос.

— Понимаешь, если я тебе просто расскажу, а не покажу, что было дальше, это не создаст у тебя воспоминаний от пережитого лично, а ты всего лишь получишь информацию.

Лена терпеливо молчала. Она вдруг решила, что если не будет ему отвечать, то, возможно, ему надоест и он уйдёт наконец. Но Сан Саныч не уходил. Наоборот, довольный её послушанием, он поведал о цели своего визита доходчиво и вроде даже логично.

— Дело в том, дорогая сестрёнка, что в то время, когда ты жила в горестном одиночестве с папой, а потом осталась и без него в своей настоящей жизни, мы вполне счастливо продол-

жали наше дружное существование. Как ты уже видела, я благополучно родился в мае тысяча девятьсот восемьдесят второго года, через шесть лет пошёл в школу — всё как обычно. Ты после школы поступила в институт народного хозяйства в Иркутске, как хотела мама. Таня пошла учиться в медицинский, несмотря на родительские отговорки. Её с пути ничем не сшибёшь, — усмехнулся Шурик. — Ну а я тоже получил высшее инженерно-экономическое образование и стал работать над интересными проектами. Да мы вместе с тобой разработали просто грандиозный проект, потом как-нибудь расскажу, — воодушевление Шурика всё больше нарастало.

Он не заметил, что сестра погрузилась в глубокий, оглушающий её транс.

— Ты очень, очень много работала. Так много, что совсем мало уделяла внимания своему здоровью, и всё свободное время у тебя было занято новыми идеями развития бизнеса. Конечно, ты часто навещала родителей, на праздники мы всегда съезжались все вместе, и ты каждый раз обещала, что вот сейчас закончишь очередной проект и займёшься собой.

— У меня были там дети? — медленно, словно перекатывая тяжёлые валуны слов, перебила его Лена.

— Что? — переспросил Сан Саныч, не совсем понимая, как об этом можно спрашивать.

Он вспомнил своего любопытного непоседу племянника и с удивлением посмотрел на сестру. Потом хлопнул себя ладошкой по лбу — кажется, он и сам забыл, где находится.

— Да, конечно, — поспешно ответил он. — У тебя есть сын, ему двенадцать лет.

Лена улыбнулась с закрытыми глазами:

— Ты мне его покажешь, — так же с трудом выговаривая слова, потребовала она, забыв, что Сан Саныч ей о том и толкует, что ничего показывать не может.

Сан Саныч поцеловал её в лоб и продолжил:

— Короче, доведя себя до крайнего изнеможения от работы, год назад ты серьёзно заболела. Ведь жизнь каждого человека висит «на волоске». Пока не касаешься той плоскости, в которой натянут этот «волосок», живёшь. В любой момент при неверном раскладе мыслей, желаний, чувств ты можешь переместиться в плоскость «волоска», и чем круче ты заблуждаешься, тем быстрее он оборвётся. Достигнув такого состояния, важно не сорваться, пока не укрепишь свои позиции. Не стоит в такие периоды идти словно по лезвию ножа, испытывая свой «волосок» на прочность. Перепробовав все средства, мама добилась, чтобы тебя отправили в заграничную клинику. Я вызвался везде сопровождать тебя, потому что не мог оставить в беде, не мог простить себе, что допустил такое безалаберное отношение к твоим силам. Мне тяжело было смотреть, как мама истосковалась по хорошим вестям о тебе.

Сан Саныч помолчал. Лена, затаив дыхание, ждала продолжения.

— Мы с тобой подготовились к страшному моменту: вместе инсценировали видеозаписи для мамы по скайпу, где ты весело её приветствуешь, демонстрируя прогресс своего выздоровления… А на самом деле всё становилось только хуже.

Сан Саныч крепко сцепил в замок руки перед лицом и наконец произнёс страшную весть:

— Несколько дней назад тебя не стало…

Он отчаянно повесил между плеч голову, безнадёжно пытаясь скрыть слёзы и закусывая нижнюю губу.

— Эй, эй, — позвала его Лена, раздвигая наконец железные засовы своего тяжёлого транса. — Я же здесь, как это меня не стало?

— Тебя не стало в нашей параллели, — горько улыбнулся он. — Мама ещё ничего не знает. Я не сказал ей, потому что она не переживёт… — он с горечью покачал головой. — Я не знаю почему, но она всегда тряслась над тобой, как над сырым яичком, словно ты можешь в любой момент упасть и разбиться. Надо мной и Таней мама так не тряслась, в нас она была уверена.

Лена с сочувствием смотрела на брата. Она не знала, как относиться к его рассказу. Говорил он очень искренне, но осознать мысль о том, что где-то в параллельном мире её не стало, было выше её разумных сил.

— И когда же ты собираешься признаться маме? Ведь я не могу для неё вечно находиться в заграничной клинике на лечении! — призывала Лена Сан Саныча к здравому смыслу.

— Я не знаю, — Сан Саныч протяжно вздохнул. — Сейчас я периодически показываю ей видеоролики, которые мы с тобой заготовили перед твоим уходом, но они скоро закончатся, и нужно будет придумывать новую легенду…

— А папа с Таней? Они знают всю правду обо мне?

Сан Саныч отчаянно покачал головой, словно пытался отогнать страшный факт.

— И ты всё это носишь в себе, тебе даже поделиться не с кем? — Лена сочувственно обняла брата. Она понимала, каково это — бояться огорчить маму. Ещё она понимала, что мама точно не переживёт трагическую новость. Дело в том, что у мамы был синдром перехватывания дыхания, и в минуты сильного волнения, от страха или от нехороших вестей она начинала задыхаться. Процесс не поддавался контролю — бабушка рассказывала, что в мамином детстве несколько раз её едва удавалось спасти из-за приступов панического удушья.

А в тот роковой день пятнадцатого августа именно эта особенность и погубила её окончательно. Да, мама не утонула, она могла бы спастись, как спаслась сама Лена: они вместе оказались над водой, когда машина перевернулась вверх колёсами. Лена на какой-то момент потеряла сознание, и её голова ушла под воду. Тогда мама сделала неимоверное усилие, вытаскивая на поверхность лицо любимой дочери, заставляя её дышать. Лена тогда находилась словно в забытьи и, когда в очередной раз, придя в себя, позвала маму, та уже не откликнулась.

Стоп! Лена решительно стала прогонять наседавшие воспоминания о самой непоправимой ночи в её жизни.

— Что ты собираешься делать дальше, когда видеоролики закончатся? — она просто не знала, как можно помочь не доходящему до её сознания горю.

— Ты сейчас в своей реальной жизни тоже подошла к переломному моменту, — осторожно подбирая слова, заговорил наконец Сан Саныч.

— Ты хочешь сказать, что моя песенка по-любому во всех параллелях спета? — плохо скрывая панику, усмехнулась Елена.

— Нет, не во всех, — убеждённо, помня о мнительности сестры, поспешил заверить Сан Саныч.

— Тогда о каком переломном моменте ты говоришь и что он для нас всех означает? — на этот раз Лена ждала чёткого ответа.

— Видишь ли, переход в параллельные реальности возможен только в таких вот переломных точках. Отталкиваясь от этих исторических, назовём их так, моментов, дальнейшее развитие событий движется по разным вероятностным плоскостям.

— Ну и? — уже теряя терпение, Лена уставилась на Сан Саныча. — До чего же ты дотошный в своих рассуждениях!

— Просто мне хотелось бы, чтобы ты меня однозначно правильно поняла, — оправдываясь, отпрянул он.

— Выражайся уже яснее, и тебя все правильно поймут! — ей надоело тянуть кота за хвост, ведь не было уверенности, что её опять не водят за нос.

— Ты сейчас носишь под сердцем незаконного ребёнка, — решился он на сенсационную новость.

Лена от удивления открыла рот — ей просто нечего было сказать. Во-первых, она не понимала, как этот молодой человек мог знать о ней то, чего она даже сама ещё не знала. Во-вторых, её покоробило слово «незаконный».

— Дети не бывают незаконными, — строго сказала она. — Они подчиняются единственному закону — закону природы, а все остальные законы — это лишь условности, — и она изобразила на лице маску неприступности.

— Ну да, конечно, — горячо согласился Сан Саныч, — я немного не так выразился. Но как бы ты ни мечтала об этом ребёнке, я должен предупредить: тебе не суждено его вырастить. Не знаю почему, но так уж вышло, что в этих параллелях тебе не суждено иметь детей.

— Да что ты вообще знаешь обо мне?! — запальчиво воскликнула Лена. — Ты знаешь обо мне ровно столько, сколько я сама знаю о себе. Ты сидишь в моей голове и внушаешь мне мои же собственные страхи — так у меня и без тебя голова от них пухнет! — она скрестила на груди руки, усевшись на диване, и сердито отвернулась.

Она не знала, как реагировать на две новости: хорошую — что, оказывается, у неё всё-таки скоро может появиться ребёнок, — и плохую — что ей никак не суждено его вырастить. Что это означает — «не суждено иметь детей»? Что малыш так и не родится или она сама не выживет?

— Постой, постой, — она повернулась к терпеливо пережидающему её негодование Сан Санычу. — Что ты говорил про переломный момент? Что всё-таки должно произойти?

Удовлетворённый тем, что сестра справилась с первой реакцией на его слова, Сан Саныч продолжил шокирующее признание:

— Ты не должна отправляться на предстоящий сплав по Мане, ты можешь там погибнуть. Я не хочу забивать твою голову подробностями, которых может и не быть вовсе, если ты прислушаешься к моему совету и не поедешь…

— Ещё чего! Да я об этом сплаве уже который год мечтаю, всё никак не сложится — то одно, то другое мешает, я уже и путёвку оплатила!

— Вот именно: «то одно, то другое мешает». Ты задумайся, это неспроста — тебя твой ангел-хранитель оберегает, поэтому и организует разные «неурядицы», мешающие поездке, — Сан Саныч снова не моргая смотрел Елене прямо в глаза.

— Уж не ты ли мой ангел-хранитель? — смерила его взглядом она.

— Напрасно ты так настроена, я бы на твоём месте не разговаривал так с ангелами-хранителями, — миролюбиво улыбнулся братец.

Лена смущённо заулыбалась: ну вот поговори ты с ним! Ни с одного, так с другого бока подступится!

— Будем искать компромисс? — предложил мировую Сан Саныч.

— Давай попробуем, — пожала плечами Елена. Откуда ей было знать, насколько можно доверять этому разумному существу с намерениями ангела-хранителя и в то же время с какими-то авантюрными предложениями.

— Итак, ты отказываешься от предстоящего сплава, — вернул её к предмету спора Сан Саныч.

— Но ты можешь хотя бы намекнуть, почему мне следует отказаться?

— Потому что там может произойти то, от чего я не смогу спасти тебя в условиях лесной глуши, — упрямо недоговаривал он.

— Да ты можешь отчётливо мне сказать?

— Нет, больше ничего сказать не могу: учитывая твою мнительность, эта информация может сослужить плохую службу нам обоим.

— О, слушай, — сообразила Лена. — А вот ты всё наперёд знаешь — откуда ты это узнал? И почему я должна верить тебе просто на слово? Можешь мне доказать, чтобы я поверила окончательно?

— Значит, кинозала тебе было недостаточно? — с укором покачал головой Сан Саныч.

— Кинозал — это, конечно, сладкая сказка, — согласно кивнула Лена. — Ну а что-нибудь более реальное можешь показать?

Сан Саныч вздохнул, пожав плечами:

— Ладно, смотри… — он прикрыл ей сзади глаза, подвёл к окну и отвёл ладони. Лена посмотрела вниз с десятого этажа. На стоянке она увидела разбитую в хлам свою машину. Любимый автомобиль издалека напоминал раздавленную вишню: отдельные его детали поблёскивали на переломах, словно сочная мякоть спелых ягод.

— Что это?! — отпрянула она от окна.

— Это ты не прислушалась к моим знакам и очень торопилась на работу, а тебе в тот день следовало бы опоздать, следовало бы задержаться немного — и этого бы не произошло…

— Ну а я сама-то жива?

Сан Саныч неумолимо покачал головой, отрицая её вопрос.

— Ты не будешь говорить или меня нет?

— В этой параллели тебя больше нет, — твердо сказал он.

— А это что? — Лена потрогала себя руками.

Сан Саныч молча закрыл ей глаза и повернул к себе лицом.

— Добро пожаловать в трезвые мысли! — произнёс он. — Ты убедилась?

Лена снова посмотрела вниз — машина стояла целёхонькая, дисциплинированно выставив капот вровень с остальными автомобилями на стоянке.

— Как ты это делаешь? — она оглянулась на фокусника.

— Мы ненадолго переместились в будущее, вероятность которого сейчас существует, если ты будешь настаивать на своём и не прислушаешься к моим советам.

— Ладно, убедил, — Лена нервно сглотнула. — Что я должна делать, кроме того что отказаться от сплава?

— Тебе нужно развестись с мужем.

— Зачем? Мы с ним прожили без малого двадцать лет, привыкли друг к другу, помогаем в трудную минуту. У нас хоть и нет уже любви, но осталось уважение, а это немало для семейной жизни, — рассудительно, как заученное стихотворение, скрипучим голосом проговаривала Лена.

— Здесь ключевая фраза «уже нет любви», — выловил в её скороговорке заветный ключик Сан Саныч.

— Именно эта мысль сейчас ведёт тебя к гибели. Если ты не изменишь её, то вероятность того, что ты только что видела, с каждым днём будет увеличиваться всё больше и больше.

— А когда это произойдёт? — содрогнулась вдруг Лена.

— Да никогда! — воскликнул Сан Саныч. — Как ты не понимаешь, что это лишь вероятность и в твоих силах свести её на нет!

— Ты прямо как Господь бог какой-то… — рассеянно пробормотала она.

— Ну вот, уже пошёл на повышение, — широко улыбнулся Сан Саныч. — Ещё недавно был ангелом-хранителем, и уже сам Господь. Да простит меня Всевышний, — он медленно перекрестился.

— Хорошо, как я должна работать со своей ключевой фразой «нет любви»? — поспешно спросила Лена, чувствуя, что уже скоро наступит утреннее пробуждение.

— Слушай, мне уже пора! — Сан Саныч тоже торопливо взглянул на часы. — Ты подумай сама об этом на досуге и завтра мне расскажешь, — он весело подмигнул ей и исчез.

*****

«И он улетел, но обещал вернуться…» — сознание включилось фразой из известного мультика.

Позавтракав, Елена поехала на работу. Она встала пораньше и, не желая всё-таки опаздывать, осторожно выехала на перекрёстке на главную дорогу. Она помнила неприятный сон со сплющенным капотом её автомобиля и, поёживаясь, внимательно смотрела по сторонам.

Благополучно добравшись до места, Лена, как обычно, с трудом нашла парковку в центре города. Несмотря на раннее утро, все удобные места уже были заняты многочисленными машинами офисных сотрудников.

— Аня, ты поедешь на сплав? — спросила она подругу в обеденный перерыв.

— Ты знаешь, я ещё не решила… Что-то вот тут крутится неуютно так, словно кошки скребут, — Аня постучала себя по солнечному сплетению маленьким кулачком.

После тревожной ночи с частыми просыпаниями и беспокойными снами Лена не помнила отчётливо, чем именно может грозить ей предстоящий сплав, но у неё почему-то тоже неясно саднило где-то внутри. Она пыталась вспомнить, что же ей снилось помимо разбитой машины, и никак не могла уловить сигнал подсказки.

Так как в офисе наступило время обеда, Анечка прибавила звук на компьютере:

«…Пять минут от дома твоего…
Мне уже не нужно ничего…
Только посмотреть, только посмотреть…
В глаза твои…
Мне бы просто взять и позвонить...
И судьбу навеки изменить...
Но в жизни счастья нет ***и нет любви!..*** *»*

Донеслась до Лениного слуха песня Владимира Кузьмина. На последней фразе она вздрогнула и странно посмотрела на Аню. «Поработать над ключевой фразой», — пронеслось у неё в голове. «Что же это значит, почему от этой музыки меня морозит… Может быть, я заболела?»

— Ленусь, ты чего бледная такая? — спросила Аня.

— Да так, надо пойти поработать, коль «нет любви», — усмехнулась она в ответ. — А потом поедем загорать на Ману, истреблять бледность, — Лена подмигнула подружке.

Но на Ману ей так и не пришлось поехать: ближе к вечеру у неё вдруг резко заболел живот, и через несколько часов Елена уже лежала на операционном столе. Она успела только заметить рыжие шторы на окнах приёмного покоя, как её сознание погасло… Открыв через мгновение глаза, Елена увидела сидящего рядом мужа.

— Ты иди, мне сейчас операцию будут делать, — слабым голосом проговорила она.

— Тебе уже сделали операцию, — улыбнулся ей муж.

— Да? — нисколько не удивилась Лена. — Ну, ты иди, мне сейчас операцию будут делать, — как молитву долдонила она.

— Тебе уже сделали операцию, ты уже пять раз это повторила, — терпеливо улыбался муж.

— Я не помню, я не знаю… — Лена снова провалилась в постнаркотический сон.

Загадочный институт

— Скоро к нам пожалует очередная соискательница будущих приключений, — выдал прогноз худощавый очкарик. Он служил адаптером на портале «ГрёзыТочкаРу».

— М-да-а, — согласился вертлявый аналитик, заглянув в свой экран. — Это скорее даже соискательница прошлых приключений, а не будущих, — уточнил он.

— Что, проявилась заявка? — поинтересовался адаптер.

— Да, дорогой коллега, контуры уже обозначились, — аналитик приглядывался к сообщению на мониторе.

— Давненько мы не работали с новопроходцами, — со смаком потирая ладонь о ладонь, приготовился адаптер.

Это был молодой специалист, и слово «давненько» в его устах звучало забавно. Он и сам-то появился в Институте Временны́х Перемещений, словно вывалившись из какой-то складки пространства. Вот так, ниоткуда, моментально адаптировавшись к современному миру, он зашёл в кабинет к начальству и положил резюме на стол:

— Я должен у вас работать, — чётким, хорошо поставленным голосом диктора сказал он.

Ректор института молча вскинул брови — его взгляд требовал обоснования такого безапелляционного заявления.

— Потому что там… — очкарик многозначительно показал указательным пальцем вверх, — недовольны тем бродяжеством, что вы позволяете.

— И что же мы себе позволяем, позвольте уточнить? — вкрадчиво поинтересовался ректор Владимир Владимирович.

— Историки на ушах стоят, учебники переиздаваться не успевают! — горячась, воздел руки к небу самоуверенный претендент.

— А что делать? У вас есть ответ на этот вопрос? — мягко, по-кошачьи прищурившись, словно присматриваясь к добыче, обратился к нему ректор.

— Для начала нужно остановить этот беспредел похождений в прошлое и будущее! — жёстко рубанул воздух ладонью приверженец стабильной истории.

— Прямо-таки революционное решение! — восхитился с иронией Владимир Владимирович. — У нас давно уже никто туда-сюда без специального разрешения не шастает, дорогой мой, — заверил он.

— Это вам так… кажется, — дипломатично подбирая слова, возразил посетитель.

— Вам известны конкретные нарушения? — приготовился записывать ректор, покручивая в пальцах шариковую ручку.

— Как раз с этим и пришёл покаяться, — выдохнул хитрец, присаживаясь к длинному столу для заседаний. Он понимал, что, прорвав один раз оборону, уже никогда не сможет вернуться туда, откуда, как выразилась секретарша, «вывалился». Да к тому же «там» ему грозила смертельная опасность, а «здесь» он готов был принести пользу, поделившись своими разведданными.

— Всё понятно, — просканировав наконец мысли посетителя, расслабился ректор. — Вы приняты. Оформите документы и занимайте должность, скажем… кондуктора. Вас устроит? — ректор скупо выдавал отрывистые фразы.

— Ну, вообще-то, по квалификации я адаптер, — возразило юное дарование.

— Ах, вы адаптер! — широко улыбнулся ректор. — Ну, я так и понял. Пройдите на восемнадцатом этаже тестирование, я рассмотрю результаты. Завтра в восемь ноль-ноль можете приступать, а уж по результатам теста определим, к каким именно обязанностям.

И ректор закрыл свой портал перед носом нахала.

— Восемнадцатый, — пропел оптимист и выдвинулся в сторону лифта. Он успешно прошёл тестирование — и даже превосходно. У комиссии аж очки вспотели, когда они изучали итоги его сканирования.

— Такого кадра нельзя упускать в прямом и переносном смысле, — приготовил приказ о его назначении опытный начальник отдела кадров.

— Пожалуйста, Вениамин, — пригласила нового сотрудника миловидная офис-менеджер Наташа. — Вот ваше рабочее место.

— Отлично, — поправив правой рукой очки, поблагодарил новоявленный адаптер. — Теперь за стабильность истории вы можете быть спокойны.

В коллектив Вениамин вошёл как йод в воду. Плавно растворяясь в устоявшихся традициях и бизнес-процессах Института Временны́х Перемещений, он оставлял повсюду своё присутствие — как еле уловимый привкус йода. При этом он был едва заметен: немудрено, что ему удалось пролезть-таки в какую-то щель во времени. Сотрудники никак не могли уловить его характер и намерения. В общении он обволакивал собеседника сразу со всех сторон всепоглощающим интересом, но умудрялся не выдавать о себе абсолютно никакой информации. После разговора с ним человек чувствовал себя так, словно побывал в закрытом для откровений ящике, оставив там свои сокровенные мысли и не получив взамен решительно ничего. Оставалось ощущение не энергетического обмена, а явного раскрытия тайн души, о которых собеседник и сам-то, кажется, не подозревал до этой минуты.

Даже офис-менеджер Наташа, попытавшись в первые дни знакомства проверить свои несомненные женские чары, осталась в недоумении от ускользнувшего, словно шёлковый шарф сквозь пальцы, образа Вениамина. Его льющийся поток обаяния обезоружил её с первых минут, и ещё неизвестно, чьи чары оказались сильнее. Она призналась себе, что после такого общения почувствовала себя словно умытой под водопадом тропических гор: так оглушительно ярко и ошеломляюще вдруг изменилась обстановка офиса, что от неожиданности Наташа чуть не захлебнулась потоком ласковой и одновременно освежающей, казалось бы, реально ощущаемой воды. И поняла, что давно хотела именно такого приключения. Беседа с Вениамином обернулась для неё настоящим путешествием в самые тайные уголки собственной души, перетряхнув забытые мотивы давних стремлений. Испытав невероятную встряску, Наташа не решалась больше экспериментировать в поединках очарования с Вениамином. Она честно признала его безоговорочное превосходство в знании психологии всех женских хитростей и для себя решила впредь сотрудничать осторожно, на расстоянии — оставаясь, однако, благодарной за своё обновлённое, умытое состояние души.

Вот такой загадочный и невозможно талантливый кадр появился в Институте Временны́х Перемещений накануне заявки от нашего знакомого Сан Саныча.

Хлопоты Сан Саныча

Оказывается, во время операции Сан Саныч подсуетился и всё сделал как ему было нужно. А произошло вот что. Когда Елена потеряла сознание, братец решил, что пора действовать, иначе он навсегда может потерять любимую сестру.

— Ну почему ты такая упрямая? — с укором произнёс он.

— Что такое? Где я? — Лена с удивлением оглядывалась, не узнавая собеседника.

— Лёлик, не принуждай меня начинать всё сначала, — умоляющим голосом произнёс Шурик.

— Ах, это ты… — признав брата, не особенно удивилась сестра. — Я что-то сделала не так? Что со мной?

— Всё нормально. Хоть ты и не захотела меня слушать и отказываться от поездки, мне пришлось похлопотать — и я немного форсировал то, что неминуемо могло случиться на природе далеко за городом, на реке, где нет поблизости ни скорой помощи, ни автотрасс, кругом только вода и лес.

— И что же теперь? Получается, несмотря на мои страдания, ты всё-таки спас меня?

— Получается, всё-таки спас, — радостно улыбался довольный своими трудами брат.

— Это и есть тот самый переломный момент?

— Почти, — Сан Саныч кивнул. — Но главная работа ещё не проделана. По крайней мере, уже наметились новые веточки, — глаза его светились счастливым блеском. — Сейчас самый подходящий миг. Во-первых, ты находишься в нужном состоянии отрешённого сознания, твоё подсознание можно включить на полную катушку, — закатывая рукава, выдавал инструкции Шурик.

— Я Солнце, я большое красивое Солнце, — успокаивала себя Лена.

— Что это — детская считалочка?

— Это я пользуюсь моментом, чтобы наконец-то вдолбить себе уверенность в счастливом завтрашнем дне.

— И верно! Уверенность нам не помешает, — разрешил Сан Саныч аутотренинг. — В общем, так, — собрался он с мыслями и сложил руки лодочкой в молитвенном жесте. — Пока есть время, тебе пора посетить Институт Временны́х Перемещений, о котором я уже упоминал. Не перебивай, — Шурик бесцеремонно приложил палец к Лениным пересохшим губам. — Там тебя встретит мой хороший знакомый Вениамин, с ним я уже предварительно договорился. В институте тебя протестируют на чистоту намерений: для начала ты должна им предъявить что-нибудь из своей самой светлой мечты или душевного порыва. Например, подойдёт твоё стихотворение про родителей.

— Ты рылся в моих записях? — Лена возмущённо приподнялась на подушке.

— Лежи-лежи, тебе нельзя вставать, тебе же операцию делают, — напомнил ей брат. — Я не рылся, ты сама давала мне его прочитать перед уходом в той, нашей параллели. Вот оно, — Сан Саныч протянул Елене листок, исписанный её же почерком.

Лена зажала в слабой руке бумагу:

— Я потом прочитаю, что-то я хочу спать, ты меня утомил, Шурик…

— Спи-спи, — легонько похлопал её по накинутой простыне брат.

Лена медленно, словно пропитываясь замыкающимися над ней волнами воды, погружалась в глубокий транс.

Заявка на счастье

— Итак, коллега, полюбопытствуем, — разворачивая лист бумаги, обратился к Вениамину аналитик Женя.

— Что у тебя? — легко встрепенулся Вениамин.

— Да вот, принесли, сказали — лично в руки глубокоуважаемому адаптеру, — с поклоном протянул депешу саркастически настроенный Женя.

Его немного задевало, что начальство пропустило этот документ без регистрации в канцелярии, коли указано было «Лично в руки Вениамину». Ему вот, например, таких конвертов не передавали. А если бы и передали, то уж служба безопасности сначала провела бы физико-химический анализ потожировых следов на бумаге, не говоря уж об обязательном ознакомлении с содержимым, а потом решила бы, отдавать ли «лично в руки» или использовать по своему усмотрению. А вот адаптер пользовался безграничным доверием у руководства, чем вызывал не совсем белую зависть у коллег.

Веня развернул лист и пробежал глазами по тексту:

«Родители — наш источник,
Они — наша плоть и кровь,
Они подарили нам в жизни
Самое главное — это Любовь.

Они подарили нам детство,
И это уже не отнять,
Когда в воскресное утро
Хочется маму с отцом обнять.

Родители — наш источник,
К нему припадаем с жаждой,
Когда нам становится туго,
Мы их вспоминаем однажды.

Родителей не выбирают —
Так мама сказала мне в детстве,
Родителей не обменяешь на тех,
Что живут по соседству.

Какое же это счастье, что их не выбирают!
Но если и был бы выбор,
То он у меня совпадает
С Божьим предназначеньем,
И я не противлюсь родительским нравоученьям.

И даже если я не согласна
С их представленьем о мире,
Я всё же надеюсь, что рядом они,
Здесь — в пространстве, в эфире.

Родители в нашем сердце

Живут и всегда будут с нами —
Поступками, мыслями
И их заветными словами»

— Что это? — теперь уже повторил вопрос Женя.

Адаптер строго смотрел на коллегу. Он вспомнил того красавчика, похожего на голливудского актёра, с которым познакомился в лабиринтах времени, когда убегал от преследователей. Шурик тогда здорово выручил его, пристроив временно на автоматизированный склад. Склад был такой огромный, что без специальной программы что-либо отыскать там было бы бессмысленно. И Веня на какое-то время затерялся, выполняя, конечно, работу «кенгуру». Послание, несомненно, было от Шурика. Веня обещал ему помочь и слово своё готов был сдержать.

— К нам едет ревизор, — шутливо улыбнулся он. — Точнее, конечно, наоборот: это мы с тобой сейчас станем ревизорами, чтобы дать путёвку в новую жизнь нашей гостье.

— А что за гостья? — обрадовался Женя, что адаптер не намерен скрывать от него свои планы.

— Сейчас увидишь, — Вениамин подмигнул коллеге и предложил перейти в лабораторию.

Заявка прошла

— Всё, пора! Заявка прошла, — горячо зашептал Сан Саныч сестрёнке.

Лена всё ещё находилась под наркозом, и это был самый подходящий момент для тестирования.

— Ладно, я пойду в Институт Временны́х Перемещений (хотя это, конечно, самоубийство), но сначала ты мне докажешь, что существуешь на самом деле, а не только в моей голове, — предложила Лена компромисс.

— Это невозможно, — покачал головой братец. — Мы с тобой находимся в разных плоскостях реальности, и в твоей плоскости я могу присутствовать только во сне.

— Ты выкручиваешься? — шмыгнув носом, Лена посмотрела на брата сквозь пелену подействовавшего наркоза.

Сан Саныч серьёзно помотал головой, всем видом отрицая, что пытается выкрутиться.

— Я прошёл очень долгий путь, кое-как отыскал тебя, перебрал бесчисленное множество миров, чтобы найти тебя именно такой, какой ты стала сейчас, — заговорил он низким приглушённым баритоном, стараясь звучать как можно убедительнее.

— Хорошо, а почему тебе не подошли старшие сёстры из других реальностей? — язвительно спросила Елена.

Сан Саныч помолчал, потом подошёл к окну, устремляя взор на заходящее малиновое солнце.

— Что, они не поддались на твои бредовые идеи? — чувствуя, что поймала ниточку сомнения, продолжала допрашивать его Лена.

Он обернулся, серьёзно посмотрел в глаза, шагнул вплотную и положил обе руки ей на плечи:

— Их нет в других параллелях…

— Как это? — опешив, Лена вжалась затылком в подушку. — Почему нет?

— Есть только две плоскости, где ты существуешь, — пожал плечами он, пряча ладони в карманы своего модного костюма.

— Не может быть, — не замечая, что попалась в логическую ловушку, Лена недоверчиво смотрела на брата. — Слушай, можно я уже освобожусь от этих дурацких шнуров? — покосилась она на капельницу.

— Конечно, конечно, здесь это легко можно устроить, — Сан Саныч торопливо, но осторожно вынул из её вены иглу и поцеловал в место укола. — Мы даже можем переместиться в более приятное местечко, — предложил он.

И Лена очутилась в уютной комнате, залитой солнечным светом.

Отступать невозможно

— Что вы на это скажете, коллега? — Вениамин просматривал киноленту с детскими воспоминаниями сестры своего приятеля, который накануне передал ему запись.

— А что я могу сказать? Это ваш кусок хлеба, вы и высказывайтесь. Нам обязательно сообщать своё мнение?

— Да, заключение нужно предоставить ректору, чтобы он разрешил обмен по веткам судьбы.

— Тогда нужно добросовестно всё просматривать, мне незачем рисковать репутацией, — ворчливо пододвинулся аналитик к пульту.

— А как же иначе?! — цокнул на него языком адаптер. И они приготовились к скрупулёзной работе.

*****

— Ну всё, давай, — Сан Саныч легонько подтолкнул сестру к креслу. — Вот здесь садись и расскажи о маме, о своём детстве. Только ты должна говорить от первого лица — это поможет ярче включать ассоциации.

Лена осмотрелась вокруг, проверила кресло на органолептические свойства — сидеть вроде было удобно. Она старалась составить в голове план, с чего начать, и немного волновалась, как перед экзаменом.

— Уже можно? — покрутила она головой в поисках брата.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.